

УДК 94(3)

УБИЙСТВО НАБИСА СПАРТАНСКОГО

© 2012 г.

Н.Ю. Сивкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

natalia-sivkina@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2011

Анализируются последние годы жизни Набиса, убийство которого совпало с окончанием независимого периода существования спартанского государства. Исследуя свидетельства древних авторов о международной обстановке в регионе, а также о внутренней и внешней политике тирана, сделан вывод, что хотя устранение Набиса оказалось выгодным прежде всего ахейцам, но убийство царя все же следует рассматривать не как удаление с политической арены опасного для Рима лидера или как ликвидацию источника постоянного беспокойства в Пелопоннесе, а как следствие его реформаторской деятельности.

Ключевые слова: Набис, Филопемен, Фламинин, эллинистическая Спарта, Ахейская лига, этолийцы.

Период правления Набиса (207/205–192 гг. до н.э.) в Спарте неоднократно привлекал внимание современных исследователей, дискуссии по некоторым вопросам остаются актуальными до сих пор. Несмотря на то что время его правления нашло отражение в источниках, жизнь и реформы Набиса не получили однозначной оценки. Одним авторам свойственна идеализация Набиса [1, р. 36], другие описывают его правление как тиранию и время кровавых репрессий – точка зрения, унаследованная современными авторами от Полибия, крайне враждебно настроенного по отношению к Спарте и особенно к Набису [2, р. 88, 135, 149, 168, 170].

Как известно, Набис провел ряд важнейших социально-экономических и политических преобразований, в результате которых в Спарте установилась внутренняя стабильность и была предпринята последняя попытка вернуть ей ведущую роль в Пелопоннесе. На момент его прихода к власти в Спарте уже существовала устойчивая реформаторская традиция, заложенная еще Агисом IV (245–241 гг.) и Клеоменом III (235–219 гг.), но главные задачи – возрождение былой мощи и господство в Пелопоннесе – не были решены. При этом международная обстановка в конце III – начале II века до н.э. осложнялась: в греческие дела все активнее вмешивалась новая могущественная внешняя сила – Рим.

Данное исследование посвящено последним событиям в жизни Набиса, убийство которого совпало с окончанием независимого периода существования спартанского государства. Такое совпадение заставляет задуматься над вопросом, было ли убийство случайным, когда враги воспользовались благоприятным стечением об-

стоятельств, или имела место продуманная акция устранения неугодного лидера. В последнем случае важно выяснить, какие силы, внутренние или внешние, стояли за непосредственными исполнителями.

Внешняя политика Набиса, как и у его предшественников-реформаторов, определялась двумя взаимосвязанными целями: возвращением Мессении и восстановлением господства в Пелопоннесе [3, р. 197; 4, р. 95], попытка реализации этих задач привела Спарту к вооруженным конфликтам с давним врагом – Ахейской федерацией и к заключению союзов с теми государствами, чьи интересы временно совпадали со спартанскими, – сначала с Македонией, потом с Этолией. После окончания Второй македонской войны (200–196 гг. до н.э.) Ахейский союз попытался подтолкнуть Рим к принятию мер против Набиса, в чем ахейцы нашли поддержку у других союзников Рима: Пергама и Родоса. Пергамский царь Эвмен II настаивал на освобождении Аргоса, тогда как Родос желал избавления от конкуренции спартанцев на море [3, р. 288]. Война против Набиса стала возможной после объявления Фламинином о «свободе греческих городов» на Истмийских играх в Коринфе в 196 г. (Polyb. XVIII. 46. 1–15; Liv. XXXIII. 32. 1–33. 8; Plut. Phil. XV. 2; Tit. X. 3–XII. 1) [5, р. 209–252; 6, р. 193–214; 7, р. 344–363]. Противники Набиса указывали на то, что объявленная Римом «свобода греков» должна распространиться и на Аргос. Хотя ранее, в 197 г. в ходе переговоров в Микенике, Фламинин фактически признал власть Набиса над Аргосом, но официально вопрос решен не был (Liv. XXXII. 40. 1–3).

После окончания войны с Македонией римские войска должны были покинуть Грецию. Однако существовала угроза войны с сирийским царем Антиохом III (Liv. XXXIII. 44. 6–7), который мог найти союзников в лице Этолии и Спарты [8, p. 450]. Обсуждая дела в Греции, сенат решил оставить на усмотрение Фламинина, вести ли войну против Набиса (Liv. XXXIII. 45. 3–4). Весной 195 г. Тит Квинкий созвал в Коринфе конференцию римских союзников, на которой было решено начать военные действия против Набиса (Liv. XXXIV. 24. 5–7).

Тит Ливий дает детальное описание этой кампании (Liv. XXXIV. 25–41). Войска римлян и союзников были стянуты к Аргосу, обороной которого руководил зять Набиса Пифагор (Liv. XXXIV. 25. 1–5). Город был надежно укреплен, однако приближение римлян внушало страх. К тому же в городе вспыхнуло восстание оппозиции, но оно было сразу же подавлено (Liv. XXXIV. 25. 6–12). Тем временем Фламинин созвал военный совет. Все считали, что необходимо взять Аргос, так как он был причиной войны, лишь ахеец Аристен высказал мнение, что надо идти на Лакедемон, и Фламинин поддержал его предложение (Liv. XXXIV. 26. 4–8). А. Эймар считает [9, p. 216], что у Фламинина были причины думать, что народ Аргоса будет отчаянно защищаться бок о бок со спартамцами, из опасения, что вернувшиеся олигархи восстанут старые порядки.

Пополнив запасы фуража и вытоптав и попортив недозревшее зерно, чтобы не досталось врагу, Фламинин двинулся в поход через горную часть Арголиты по направлению на юго-запад, оставил позади Тегею и на третий день разбил лагерь при Кариях. Там он дождался подкреплений: пришли 1 500 македонян от царя Филиппа V и 400 фессалийских всадников (Liv. XXXIV. 26. 8–10). Также прибыл и флот: 40 кораблей под командованием брата Тита Луция Квинция Фламинина, корабли Родоса и Эвмена II. Туда же подошли и спартанские изгнанники во главе с бывшим царем Агесиполидом (Liv. XXXIV. 26. 11–14.). Силы союзников составляли 50 000 человек (Liv. XXXIV. 38. 3). Набис располагал более скромной армией: 10 000 спартамцев, 2 000 критян, 3 000 наемников (Liv. XXXIV. 27. 2) – всего 15 000 человек, не считая спартамских сил в Аргосе, гарнизонов периекских городов и флота [3, p. 290].

Набис спешно окружил город валами и рвами, а также предпринял меры против оппозиции внутри города: 80 юношей из самых знатных семей были схвачены и убиты по обвинению в измене, также убили кое-кого из илотов (Liv. XXXIV. 27. 2–10). Тем временем Фламинин

прибыл в долину реки Эврот. Пока римляне размечали место для лагеря, их неожиданно атаковал отряд спартамцев (Liv. XXXIV. 28. 3–7). На другой день, когда Фламинин повел отряд мимо города вдоль реки, наемники Набиса вновь внезапно вылетели из города через несколько ворот и напали с тыла. Завязалась долгая ожесточенная битва, в результате спартамцы отступили в город. Римляне же встали лагерем на берегу Эврота, опустошая подножия Тайгета и окрестные поля (Liv. XXXIV. 28. 7–12).

В это же время Луций Квинкий Фламинин занял многие приморские города (Liv. XXXIV. 29. 1). Однако Гитий оказал серьезное сопротивление, понадобилась помощь не только союзных флотов Пергама и Родоса, но и прибытие к стенам города самого Тита Квинция с 4000 отборных солдат, чтобы принудить город к сдаче. Руководивший защитой Горгоп договорился, что ему разрешат вывести воинов (Liv. XXXIV. 29. 2–13). Еще до падения Гития Пифагор передал командование Аргосом Тимократу, а сам с 1 000 наемников и 2 000 аргивян ушел в Лакедемон к Набису (Liv. XXXIV. 29. 14).

После падения Гития Набис, окруженный на суше и отрезанный от моря, послал Пифагора к римскому командующему, чтобы договориться о встрече. Набис встретился с обоими братьями Фламининами, царем Эвменом, родосцем Сосилом, вождем ахейцев Аристом (Liv. XXXIV. 30. 21–7).

Ливий подробно пересказывает дискуссию Набиса и Фламинина. Спартамский царь защищал легальность своего владения Аргосом: во-первых, он не силой захватил город, а по приглашению самих граждан, во-вторых, Аргос в это время был в союзе с врагом Рима Филиппом, в-третьих, при заключении соглашения в 197 г. римляне не потребовали от Набиса вывести войска, оставив город ему. Кроме того, Набис оправдывал и свою социальную политику следованием обычаям и установлениям предков (Liv. XXXIV. 31). В ответ Фламинин обвинил Набиса в гонениях против знатных граждан Аргоса, нападении на Мессению, заключении союза с Филиппом, покровительстве пиратству, направленному в том числе и против римлян (Liv. XXXIV. 32. 11–19).

На следующий день Набис объявил, что выведет гарнизон из Аргоса и вернет всех пленных и перебежчиков (Liv. XXXIV. 33. 3). На состоявшемся совете Фламинин сумел склонить союзников к миру (Liv. XXXIV. 33–34). Условия были очень тяжелыми для Спарты. Набис должен был вывести свои войска из Аргоса и из всех городов в его землях в первые десять дней и передать их римлянам. Набис не уведет с со-

бой ни одного раба, а уведённых ранее вернет. Набис вернет корабли приморским городам, оставив себе только два легких судна не более чем с шестнадцатью гребцами каждое. Всем союзникам римского народа Набис вернет пленных и перебежчиков, а мессенцам – захваченное у них имущество. К лакедемонским изгнанникам отправит их жен и детей, которые пожелают воссоединиться с мужьями, ни одну не принуждая разделять с мужем изгнание. Набис не сохранит ни один город Крита под своей властью, и те, которыми владеет на острове, возвратит римлянам. Из всех городов он выведет свои гарнизоны. Ни одного поселения, ни одной крепости не станет строить Набис ни на своей земле, ни на чьей-либо. В качестве гарантий Набис даст пятерых заложников по выбору римлян, в том числе собственного сына, а также заплатит сто талантов серебра немедленно и по пятьдесят талантов восемь лет подряд (Liv. XXXIV. 35).

Принятие этих условий означало не только резкое сокращение территории, но и потерю доходов от торговли вследствие потери приморских городов. Набис, в сущности, лишался военных, финансовых, людских ресурсов, мощь Лакедемона должна была резко упасть. Впрочем, по мнению союзников, условия были недостаточно жесткими: они не требовали возвращения изгнанников и оставляли тирану власть [3, р. 295]. Такую позицию Фламинина можно объяснить тем, что он не хотел лишать Спарту независимости, в Пелопоннесе должен был остаться противовес Ахейской лиге [10, р. 76].

Набис приказал созвать собрание, на котором было принято решение продолжать борьбу (Liv. XXXIV. 37. 2–4). Четыре дня длились легкие стычки, на пятый день произошло решающее сражение. Фламинин штурмовал укрепления Спарты, и когда город уже почти был потерян, Пифагор приказал поджечь дома возле стен. На римлян обрушились крыши, осколки черепицы, горящие балки. Фламинин велел трубить отбой (Liv. XXXIV. 38–39). На следующий день Набис послал Пифагора к Фламинину, где ему пришлось униженно просить римского полководца о мире. В результате договор был заключен на предложенных ранее условиях (Liv. XXXIV. 40. 1–4). Тем временем в Аргосе произошел переворот, в результате которого спартанцы были изгнаны (Liv. XXXIV. 40. 5–7). В начале 194 г. сенат утвердил условия договора с Набисом (Liv. XXXIV. 43. 1–2).

Но Набис не смирился с поражением и ждал только случая, чтобы взять реванш. Повидимому, именно в это время он предпринял строительство крепостных стен вокруг Спарты [3, р. 294; 9, р. 236, 297].

В 194 г. на конгрессе в Коринфе Фламинин объявил об уходе из Греции римских войск (Liv. XXXIV. 48. 2–50. 9; Plut. Tit. XIII. 4–8). А уже на следующий год этолийцы, считавшие себя обделёнными добычей и наградами в предшествовавшей войне с Филиппом Македонским (Liv. XXXV. 12. 4), начали раздувать антиримские настроения в Греции, пытаясь привлечь к борьбе Антиоха, Филиппа V и Набиса (Liv. XXXV. 12. 5–18). Уговоры этолийцев действовали только на Набиса, который вновь начал борьбу с ахейцами, под чей контроль перешли периэксские города. Эти действия были достаточно успешными вначале, большинство небольших городов удалось вернуть либо миром, либо силой (Liv. XXXV. 13. 1). Ахейцы протестовали против нарушения условий мира и отправили послов в Рим с жалобой (Liv. XXXV. 13. 3).

В 192 г. Набис осадил Гитий, а также опустошал земли ахейцев за то, что они помогали осажденным (Liv. XXXV. 25. 2). Ахейцы, получив известия из Рима с обещанием прислать флот, на собрании в Сикионе приняли решение воевать с Набисом (Liv. XXXV. 25. 4–5). Ахейский стратег Филопемён, решив действовать быстро, хотел помочь осажденному Гитию с моря, однако его совершенная неопытность в морских сражениях привела к поражению от небольшой, но мобильной флотилии Набиса (Liv. XXXV. 26. 5–8). Тем не менее Филопемён не растерялся и дважды нанес поражения спартанцам на суше в разных частях Лаконии. Чтобы снять осаду с Гития, Филопемён собрал ахейские войска в Тегее и двинулся в лаконские земли. Тем временем Набису удалось захватить Гитий, и он повел свое войско навстречу ахейцам. Однако решающую победу одержал Филопемён. Только четверть спартанского войска смогла укрыться за стенами и оттуда беспомощно наблюдать, как ахейцы разоряют их земли (Liv. XXXV. 27–30; Plut. Phil. XIV; Paus. VIII. 50. 8).

В конце кампании спартанцы потеряли все свои приобретения, включая Гитий. Возможно, в войне все же принял участие римский и пергамский флот, об участии последнего можно сделать вывод из надписи из Пергама (Syll.³ 605). Мир был вновь заключен по настоянию римлян, не желавших иметь конфликты в Греции накануне столкновения с Антиохом III. До 192 г. римско-селевкидские отношения носили характер дипломатической борьбы за влияние в Малой Азии; прибытие к Антиоху Ганнибала внесло в отношения двух сторон дополнительную напряженность, а к 192 г. обстановка так накалилась, что неизбежность войны была очевидна даже для отдельных греческих государств [11, с. 16].

Таким образом, даже последние два года жизни Набиса показывают, что он так и не отказался от стремления обеспечить Лакедемону ведущую роль в Пелопоннесе [12, р. 186; 3, р. 274; 13, р. 97]. Если проанализировать внешнюю политику Набиса в целом, можно отметить, что именно он всегда выступал инициатором конфликтов: вторжение на территорию Мегалополя (Polyb. XIII. 8. 3–7), нападение на Мессению (Polyb. XVI. 13. 3; Liv. XXXIV. 32. 16; Plut. Phil. XII), приведшее к длительной и тяжелой войне с ахейцами; после поражения в войне с римлянами и их союзниками Набис вновь первым начинает военные действия (Liv. XXXV. 13. 1–3).

Оставаясь источником постоянного беспокойства в регионе, Набис к 192 г. не располагал другими союзниками, кроме Этолии. Этолийцы, наиболее активно выступавшие против Рима и ожидавшие появления в Греции армии Антиоха (Plut. Tit. XV.; Liv. XXXV. 33. 8–11), пошли на переговоры с Набисом, просившим подкреплений (Liv. XXXV. 35. 3). В Спарту прибыл этолийский отряд, насчитывавший 1 000 пехотинцев и 30 отборных всадников из молодежи. Однако действия этолийцев оказались неожиданными для спартанцев. Во время одного из военных смотров Набис был предательски убит по приказу командира этолийского отряда Алексамена (Liv. XXXV. 35–37; Plut. Phil. XV. 3–12).

Мотивы поступка этолийцев объяснить трудно. Согласно комментариям Бриско, этолийцы хотели таким образом подтолкнуть Спарту к войне против Рима [14, р. 196]. Но едва ли это так, поскольку вся внешняя политика Набиса свидетельствует о его готовности вмешаться в любой конфликт, который позволил бы ему вернуть утраченные позиции в регионе. Даже если бы Набис не стал вести военные действия совместно с селевкидским царем, он не упустил бы возможность напасть в благоприятной ситуации на ахейцев, а следовательно, создал бы римлянам дополнительный очаг беспокойства.

Убийство Набиса именно этолийцами выглядит тем более странно, если принять во внимание тот факт, что в ожидаемой войне против римлян не следовало пренебрегать никакими силами. Форрест объясняет убийство нежеланием Набиса сотрудничать с Этолией, так как он якобы увидел в той ситуации, а возможно, и в благожелательности Фламинина шанс для тихого восстановления потерянных территорий [15, р. 150]. Однако историк не развивает свою версию, а данные источников не упоминают ни о предательстве Набиса, ни о его желании служить Риму. Напротив, просьба подкреплений и

военные смотры, устраиваемые тираном, свидетельствуют в пользу подготовки к военным действиям. В таком случае не вполне логично устранение того лидера, который уже показал свое намерение поддержать Этолию. Характерно, что даже после смерти Набиса его сторонники были достаточно сильны, чтобы взяться за оружие, воспользовавшись присутствием Антиоха (Plut. Phil. XVI); допустимо предположение, что, будь Набис жив, Спарта гораздо активнее проявила бы себя в этом конфликте.

Вряд ли мотивом убийства было желание разграбить царские богатства [13, р. 100], хотя, как сообщает Ливий, Алексамен сразу после убийства весьма неразумно занялся грабежом (Liv. XXXV. 36. 5–6). Как известно, этолийцы пренебрегали элементарными правилами военного искусства: не желали строить настоящую фалангу, укреплять походные лагеря, выставлять дозоры и подчиняться дисциплине, если предоставлялся случай заняться мародерством [16, с. 14]. Занимаясь грабежом, они часто забывали, что идет война и они находятся на вражеской территории. Ливий, например, красочно описывает их беспечность в ходе второй римско-македонской войны (Liv. XXXI. 41. 10–13), Плутарх очень метко отметил (Tit. 8) их поведение в битве при Киноскефалах: пока римляне преследовали разбитого врага, этолийцы бросились грабить и разорять неприятельский лагерь. Их ненасытная жадность к добыче была всем известна, а Набис имел роскошный дворец (Liv. XXXV. 36. 1–6), стоивший сто талантов (Paus. VIII. 51.1). Поэтому грабежи в царском дворце и в городе, скорее всего, были проявлением традиционной для этолийцев алчности и мародерства.

Также сомнительно предположение, что этолийцы хотели привести к власти в Спарте демократов [17, р. 169]. Более радикального демократического правителя, чем Набис, в истории Спарты, пожалуй, не было.

Тит Ливий утверждает, что убийство было заранее спланировано в Этолии апоклетами, и Алексамен направлялся в Спарту с заданием захватить власть в Лакедемон (Liv. XXXV. 34. 4–5). А. Эймар полагает, что этолийцев подтолкнуло отношение Рима к Набису и желание нейтрализовать Спарту [9, р. 312 ff.]. Набис становился ненадежным союзником в предстоящей войне Рима с Антиохом, которую стремились развязать этолийцы [10, р. 77].

По нашему мнению, версия о намерении этолийцев захватить Лакедемон сомнительна. Следует обратить внимание на силы Алексамена. Он располагал всего 1 000 пехоты и 30 всадниками (Liv. XXXV. 35. 4). Любопытно, что, по

версии Ливия, тогда же этолийцы отправили другой отряд, под командованием Диокла, в Деметриаду, рассчитывая на ее захват (Liv. XXXV. 34. 5). Деметриада, основанная Деметрием Полиоркетом в восточной Фессалии, до конца второй римско-македонской войны была морской базой македонян, имела верфь, на которой строились македонские корабли [18, p. 116], но при этом быстро стала самым космополитическим городом Фессалии [19, p. 319], занимавшим исключительное положение в регионе. Какими силами располагал Диокл, точно не известно; Ливий говорит, что у него было все конное войско, которое он разделил, – с тремя отборными турмами он сам шел впереди, а остальная конница двигалась следом (Liv. XXXV. 34. 9). Вот с такими силами можно было рассчитывать на захват даже такой мощной крепости, как Деметриада; поставленную задачу Диокл выполнил, хотя и с помощью не только военной силы, но и хитрости (Liv. XXXV. 34. 10–12). Более того, третий отряд, под руководством Фоанта, имел целью захват Халкиды на Эвбее (Liv. XXXV. 34. 5). Но и Фоант располагал более серьезным войском, чем Алексамен: в его распоряжении было 2 000 пехоты, 200 всадников и около 30 грузовых судов (Liv. XXXV. 37. 7). При этом его экспедиция была неудачной, так как он делал ставку на внезапность, но о готовящемся нападении стало известно и город успел подготовиться (Liv. XXXV. 38. 1–12). Сопоставление войск Диокла, Фоанта и Алексамена показывает, что целью последнего не мог быть захват Лакедемона, для этого его сил было явно недостаточно. Кроме того, если сравнивать стратегическое значение Спарты, Халкиды и Деметриады, учитывая готовившуюся войну, то вопрос однозначно решается в пользу двух последних крепостей, которые еще Филипп V называл «оковами Греции» (Polyb. XVIII. 11. 5; 45. 5). В таком случае нападение на Деметриаду и Халкиду можно объяснить стремлением этолийцев занять стратегически важные пункты, что давало им во время войны значительные преимущества над врагом, а впоследствии могло обеспечить господствующее положение в Греции. Однако акция в Спарте явно не соответствовала таким грандиозным планам; видимо, задание Алексамена все же ограничивалось лишь устранением Набиса.

По версии Ливия, этолийцы полагали, что тот, «кто взялся убить его (Набиса. – *Н.С.*), стяжал бы великую благодарность лакедемонян» (Liv. XXXV. 2). Но ситуация в Спарте после убийства тирана показывает недалекость этой затеи. Этолийцы не смогли воспользоваться совершенным убийством, большую часть их

уничтожили спартанцы, а оставшиеся бежали, но были захвачены ахейцами и проданы в рабство (Liv. XXXV. 35–37; Plut. Phil. XV. 3–12). Антиэтолийские действия после убийства Набиса были санкционированы народным собранием. Мнения на нем разделились. Одни считали, что, изгнав врага, необходимо вернуть свободу (по-видимому, это мнение противников Набиса, считавших его тираном). Но победила другая точка зрения: движение должен возглавить представитель царского рода. Для этого был избран Лаконик, мальчик, воспитывавшийся вместе с детьми Набиса (Liv. XXXV. 36. 7–8). Интересно, что такого личного имени не встречается, Б. Шимрон полагает [13, p. 100], что речь идет о спартанце Леониде царского рода, который в 171 г. привел 500 спартанцев в помощь Персею (Liv. XLII. 51. 8), но, возможно, что Ливий неправильно понял фразу Полибия о «спартанском мальчике» [14, p. 199]. Изгнание этолийцев, таким образом, проходило под знаком мести за убитого царя, спартанцы продемонстрировали свою приверженность Набису.

Однако, даже отомстив этолийцам, спартанцы не смогли сохранить независимость своего полиса. Воспользовавшись тем трудным положением, в котором оказалась Спарта, Филопем, стратег Ахейского союза, с войсками вошел в Лаконику и принудил спартанцев присоединиться к лиге (Liv. XXXV. 37. 1–3; Plut. Phil. XV; Paus. VIII. 51. 1). По мнению П. Кэртледжа, не обошлось без помощи богатых граждан, возможно, даже герусии [10, p. 77]. Заслуживает внимание пояснение Тита Ливия о том, что Филопему удалось добиться успеха «тем легче, что почти тогда же к Гитию пришел и Авл Атилий с двадцатью четырьмя квинквиремами». Таким образом, выгоду от убийства Набиса сумели извлечь ахейцы, это была несомненная победа ахейской внешней политики. Действительно, к началу II в. стало уже традиционным противостояние Спарты и Ахейской лиги. Начиная с Клеомена III, все спартанские правители воюют с ней за жизненное пространство и преобладание в Пелопоннесе; остальные союзники и противники – этолийцы, македонцы, римляне – часто меняются местами. В сущности, этолийцы, убив тирана, реализовали желание ахейцев, которое им самим римляне не позволили осуществить ни в 195 г., ни в 192 г. [13, p. 100]. Однако можно ли заподозрить, что именно Филопем стоял за фигурами убийц? Едва ли. Противоречия между Этолийским и Ахейским союзом за прошедшее столетие не уменьшились, довольно сложно представить, что ахейский стратег мог сговориться с этолийцами о ликвидации прежде всего ахейского вра-

га. Об этом же говорит тот факт, что те из отряда Алексамена, кто сумел спастись, были захвачены ахейцами и проданы в рабство. Вероятно, появление римских кораблей также не следует трактовать как свидетельство римского участия в убийстве Набиса.

Для решения проблемы стоит более пристально взглянуть на личность убийцы. О нем сохранилось одно весьма любопытное упоминание у Полибия. Речь в пассаже шла о ситуации в Беотии в 196 г. Беотийцы были благодарны Филиппу V за оказанные им услуги (Polyb. VII. 12. 7) и остались ревностными сторонниками Македонии в ходе Второй римско-македонской войны (Polyb. XXII. 4). Хотя после поражения Филиппа Тит Квинций мирно вступил в Беотию и склонил города на римскую сторону (Plut. Tit. 6), однако шаг этот был вынужденный, многие не одобряли новый политический выбор (Ibid). В государстве началась борьба промакедонской и проримской партии, закончившаяся убийством беотарха Брахилла – верного сподвижника Филиппа V Македонского (Polyb. XVIII. 43). При этом и в данном преступлении не обошлось без этолийца Алексамена. Согласно Полибию (Polyb. XVIII. 43. 7–12), проримская партия отправила посольство к Фламинину и на переговорах они «отважились высказать, что для друзей Рима не может быть безопасного существования с удалением легионов, если римляне умерщвлением Брахилла не сдержат страхом народ». Тит же заявил, что не станет участвовать в этом деле, но и не помешает желающему исполнить его, и «посоветовал беотянам обратиться... к Алексамену, союзному стратегу этолян». Последовав совету Тита Квинция, они договорились с Алексаменом, который выбрал людей для убийства беотарха. Таким образом, репутация Алексамена и успех его предприятия в Беотии объясняют, почему акцию устранения Набиса доверили именно ему.

Но, как свидетельствует инцидент в Беотии, для Этолийского союза убийство беотарха не играло никакой политической роли, едва ли следует говорить, что тогда этолийский стратег пытался угодить римлянам. В 192 г. отношения между Этолией и Римом тем более не предполагали угодническую позицию этолийцев, поэтому ликвидация Набиса явно не была спланирована римлянами.

В таком случае необходимо вернуться к вопросу о поведении Алексамена в Спарте. Тот факт, что Набис проводил смотры и построения регулярно по совету Алексамена, совершая одни и те же действия (Liv. XXXV. 35. 6–14), а также то, что он был убит именно во время смотра, свидетельствуют не о спонтанных дей-

ствиях этолийского командира, а о хорошо спланированной акции. Но в таком ракурсе тем более странно выглядят его дальнейшие шаги, когда он сутки находился в царском дворце, а его солдаты занимались грабежом (Liv. XXXV. 36. 6). Вероятно, не грабеж дворца был его целью; такой человек, как Алексамен, должен был продумать пути отступления; он не мог не понимать, что, отсидевшись во дворце, он не только не сможет «захватить Спарту» (если следовать за Ливием, то именно таков был этолийский замысел), но и упускает возможность спасти своих людей. Вполне допустимо предположение, что Алексамен все же получил какие-то гарантии и находился во дворце, ожидая перемен. Ведь совершенно неразумно устраивать государственный переворот, не имея гарантий соблюдения этолийских интересов от оппозиции, претендующей на власть.

Если это так, то в переговоры с этолийцами могли вступить политические противники Набиса. Когда Набис захватил царскую власть, он изгнал знать, окружил себя наемниками и телохранителями (Polyb. XIII. 6. 5; Liv. XXXV. 35. 11), носил царский титул (нарративная традиция не называет Набиса царем, но в делосском декрете 197 г. (Syll³. 584) он именуется βασιλεὺς Νάβις Δαμαράτου). В своей власти он опирался на «совет друзей» и наемников; в городе действовали подчинявшиеся царю шпионы и доносчики. Набис уничтожил своих политических противников, создал социальную опору в лице новых граждан, среди которых были освобожденные илоты и наемники (Polyb. XIII. 6; Liv. XXXVIII, 34, 6; Plut. Phil. XVI, 4), провел передел земли, а возможно, также и касацию долгов, обеспечив себе, таким образом, поддержку населения.

В отличие от предшествовавших царей, Набису удалось создать государство, в котором монархические институты преобладали над полисными [20, с. 35]. Набиса можно назвать фактически единственным полновластным спартанским правителем [1, р. 25, 40; 12, р. 187; 13, р. 86]. В период его правления мы ничего не слышим о деятельности герусии и эфората. По свидетельству Павсания, еще Клеомен упразднил герусию, заменив коллегией патрономов (Paus. II. 9. 1), он также уничтожил и эфорат (Plut. Cleom., VIII). Однако П. Олива, например, считает, что герусия Клеоменом упразднена не была [3, р. 246]. Во всяком случае, после урегулирования 222 г. политическая система Спарты была восстановлена, за исключением царской власти (Polyb. IV. 22. 5). Существовала ли герусия при Набисе, неясно. Известно лишь, что в 188 г. Филопемени упразднил оба органа (Plut. Phil. XVI).

Политическим институтом, который никогда не переставал действовать, было народное собрание. Оно собиралось при Набисе дважды; одно – для решения вопросов внешней политики (Liv. XXXIV. 37. 2–4), другое санкционировало преследование убийц Набиса. Именно при обсуждении вопроса о том, что делать после гибели правителя, выяснилось, что в собрании присутствуют если не противники Набиса, то, во всяком случае, сторонники возвращения к прежним порядкам (Liv. XXXV. 36. 7–8), поэтому допустимо говорить о том, что Набис, хотя и пользовался широкой поддержкой населения (точнее, «новых» граждан), все же уничтожил не всю оппозицию.

Информация о сторонниках и противниках Набиса довольно скудная. Отчасти это объясняется позицией историков, писавших об этом периоде, – Полибия и зависящего от него Тита Ливия. Для них Набис – вождь и царь шайки разбойников (Polyb. XII. 6. 5), и поэтому он сам и его окружение рисуются самыми черными красками. Набис запятнал себя убийствами, жестокостью, вымогательством и предательством в течение четырнадцати лет, которые он находился у власти (Polyb. XIII. 6. 1–5; 6. 6–10; 8. 2; XVI. 13. 1–2). Вероятно, ненависть историка вызвали радикальные реформы спартанского тирана [21, р. 142]. Изображение Набиса заимствовано у Полибия Диодором, Плутархом и Павсанием (Diod. 27. 1–2; Plut. Flamin. 13; Paus. IV. 29. 10). Конечно, Набис мог быть более жестоким и безжалостным, чем цари Агис, Клеомен, Ликург или тиран Маханид, но нет оснований думать, что его политика резко отличалась от курса этих реформаторов. Набиса можно рассматривать, с некоторыми оговорками, как продолжателя дел Агиса и Клеомена [10, р. 67; 22, р. 202; 15, р. 149; 23, р. 161]. К сожалению, в источниках не нашлось места для соратников царя, выходцев из среды господствующего слоя. Однако Полибий сообщает, что Набис изгонял прежде всего людей, выдававшихся не происхождением, а богатством, он раздал их имущество влиятельным людям, противникам изгнанных, и наемникам (Polyb. XIII. 6. 3). Можно полагать, что часть верхушки полиса поддержала Набиса, эта влиятельная партия сторонников реформ сохранялась в Спарте и после гибели Набиса и вхождения Спарты в состав Ахейской федерации (Polyb. XXIII. 4. 1–5).

Но стоит вспомнить и о казни восьмидесяти юношей «из лучших и самых известных семей» накануне вторжения Фламиния (Liv. XXXIV. 27. 7), чьи родственники не могли не желать перемен. На восстание жителей против тирана рассчитывали и римские союзники, обсуждая на

военном совете, стоит ли осаждать Спарту (Liv. XXXIV. 33. 11). Не следует забывать и о политических изгнанниках, которые могли надеяться на восстановление своего положения лишь после смерти тирана. Ливий отмечает, что их было немало и во главе их стоял Агесиполид, происходивший из царского рода, изгнанный задолго до воцарения Набиса (Liv. XXXIV. 26. 13–14). При этом они могли рассчитывать лишь на собственные силы, так как римляне имели возможность вернуть их – сражавшихся вместе с ними, когда продиктовали Набису условия мира, но Фламинин предпочел тогда оставить этот вопрос без внимания.

Именно оппозиционные силы могли договориться с этолийцами об убийстве Набиса. Косвенным доказательством этого, пожалуй, может служить упоминание Ливия о двух других экспедициях этолийцев – против Деметриады и Халкиды; в обоих случаях этолийцам содействовали изгнанники (Liv. XXXV. 34. 6; 37. 4). Аналогичной могла быть ситуация и в спартанской акции. Понимая, что собственных сил справиться с тираном оппозиция не имеет, а в обстановке доноса найти исполнителя, долго скрывать заговор и подобраться близко к тирану не удастся, противники Набиса верно рассчитали, что у этолийцев гораздо выше шансы на реализацию этого плана. Можно вспомнить, что с Алексаменом в Спарту прибыла всего 1 000 пехотинцев и 30 всадников. Реально ли было с такими силами подчинить Спарту? Конечно нет, в лучшем случае они могли оказать поддержку новому правительству.

Однако могли ли изгнанники или внутренняя оппозиция всерьез надеяться на поддержку и утверждение новой власти? Вероятно, на этот вопрос можно ответить положительно. На протяжении еще долгого времени после гибели Набиса в Спарте продолжалась борьба «партий» и групп, вызванных к жизни более чем полувековым реформаторским движением. Они продолжали борьбу за власть, за справедливое с их точки зрения решение вопросов об имуществе и гражданстве, а также борьбу с ахейской гегемонией. Различные группы спартиатов, их состав и цели можно выделить на основании свидетельства Полибия (Polyb. XXIII. 4. 1–5): «две партии «старых изгнанников», тиранофильская и проахейская партии» [24, с. 14]. Внутриполитическая борьба в Спарте осложнялась постоянным вмешательством внешних сил – Ахейского союза и Рима, причем нередко те или иные группы спартиатов сами привлекали эти силы для решения своих задач. Поэтому оппозиция, видимо, имела основания рассчитывать на успех переворота. Вероятно, в эти политиче-

ские расчеты закралась лишь одна ошибка, которая стоила Алексамену и его людям жизни, — после смерти Набиса оппозиция не смогла привлечь народное собрание на свою сторону старыми лозунгами о свободе и возвращении к прежним порядкам.

Однако фактически невозможно проанализировать, какая именно «партия» решилась на столь радикальные меры. С уверенностью можно лишь сказать, что это была группа изгнанников, проэтолийски настроенных врагов Набиса. Рассуждая гипотетически, допустимо предположение, что их мог возглавлять Пелопс, сын Ликурга (Liv. XXXIV. 32. 1–2), он был еще ребенком, когда его провозгласили царем после смерти отца. По мнению К. Чраймз, он родился в период, когда Ликург пришел к власти (220-й или 219 г.), само имя Пелопс говорит в пользу этой версии [25, p. 25]. Царь символично дал сыну имя мифического героя, внука Зевса, в честь которого был назван полуостров. Тем не менее самостоятельно править Пелопсу не пришлось. Права и власть его были узурпированы тиранами, сначала Маханидом (правившим в 211–207 гг.), затем Набисом. Если Пелопс не был убит, то в 192 г. ему могло быть около 30 лет. Его отец был верным союзником Этолии в годы так называемой Союзнической войны (220–217 гг.). В 218 г., когда эфоры получили донос, что Ликург затевает переворот, хотя подробностей Полибий не представляет нашему вниманию, царь был предупрежден и успел бежать в Этолию (Polyb. V. 29. 8–9), вернулся он лишь на следующий год, летом 217 г., когда была обнаружена лживость доноса (Polyb. V. 91. 1–2), или, что, вероятно, ближе к истине, благодаря давлению этолийцев на союзников. Прослеживается некоторая аналогия в событиях 217-го и 192 гг. Оба раза Этолия, преследуя собственные интересы, нуждалась в активных действиях союзника. Соответственно, по возвращении Ликурга даже план военной кампании того года был разработан с участием этолийцев (Polyb. V. 91. 3; 92. 2–6). Вполне вероятно, что и в 192 г. апоклеты, принимая решение об убийстве Набиса, рассчитывали на утверждение у власти в Спарте такого же проэтолийского лидера, каким был Ликург.

Говоря об этолийском интересе в этом инциденте, можно также сопоставить два факта. Во-первых, римляне были заинтересованы в сохранении спокойствия в Греции накануне войны с Антиохом, это следовало из мягкого принуждения к миру ахейцев и спартанцев. Естественно, в 192 г. никто и представить не мог, как будет протекать эта война, поэтому для этолийцев было важным разжечь как можно больше кон-

фликтов, отвлечь и разделить силы противника, затем, пользуясь сложившейся обстановкой, захватить стратегические пункты и расширить границы своей сферы влияния. Ливий, видимо, точно передал замыслы этолийских должностных лиц.

Во-вторых, если бы замысел удался и в Спарте к власти пришла проэтолийски настроенная оппозиция, этолийцы не ощутили бы существенных перемен в спартанской политике, поскольку новое правительство было бы не просто лояльно и благодарно Этолии, но, в сущности, стало бы марионеткой в их руках. Возможно, вера в успех предприятия (зареккомендовавший себя на этом поприще Алексамен, заверения изгнанников, невнимательность римлян к делам Греции) способствовала тому, что худший вариант, когда Спарта достанется старому сопернику — Ахейскому союзу, просто не рассматривался.

Итак, со смертью последнего царя-реформатора окончился и долгий период независимого существования Спарты. Без сомнения, политика Набиса была достаточно успешной, но в изменившихся условиях решения о дальнейшей судьбе всей Греции и отдельных полисов принимали могущественные внешние силы, тягаться с которыми Спарта была не в состоянии. Устранение Набиса оказалось выгодным прежде всего ахейцам, но убийство царя все же следует рассматривать не как удаление с политической арены опасного для Рима лидера или как ликвидацию источника постоянного беспокойства для ахейцев, а как следствие его реформаторской деятельности. Личные выгоды и меркантильные интересы, как и прежде, оказались сильнее солидарности граждан перед лицом внешнего врага.

Список литературы

1. Texier J.-G. Nabis. Paris: Les Belles Lettres, 1975. 215 p.
2. Will E. Histoire politique du monde hellénistique. T. II. Nancy: impr. Berger-Levrault 1967.
3. Oliva P. Sparta and her Social Problems. Transl. by Iris Urwin-Lewitováj. Prague: Academia, 1971. 342 p.
4. David E. Sparta between Empire and Revolution (404–243 B.C.): internal problems and their impact on contemporary Greek consciousness. New York: Arno Press, 1981. 273 p.
5. Carawan E.M. Graecia Liberata and the Role of Flamininus in Livy's Fourth Decade // TAPhA. 1988. Vol. 118. P. 209–252.
6. Larsen J.A.O. Was Greece Free between 196 and 146 B. C.? // CPh. 1935. Vol. 30. No. 3. P. 193–214.
7. Walsch J.J. Flamininus and the propaganda of liberation // Historia. 1996. No. 3. P. 344–363.

8. Gruen E.S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome*. University of California Press, 1986. 800 p.
9. Aymard A. *Les premiers rapports de Rome et de la Confédération Achéenne (198–189 av.J.C.)*. Paris. 1938. 438 p.
10. Cartledge P., Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta, a tale of two cities*. London; New York: Routledge, 1989. 312 p.
11. Митина С.И. *Внешняя политика Антиоха III*. Автореф. дисс. ... к.и.н. Москва, 1994. 18 с.
12. Mossé Cl. *La tyrannie dans la Grèce antique*. Paris: Presses universitaires de France, 1969. 214 p.
13. Shimron B. *Late Sparta. The Spartan Revolution 243–146 B.C.* Buffalo: State University of New York at Buffalo, 1972. xiv, 167 p.
14. Briscoe J. *A commentary on Livy. Books XXXIV – XXXVII*. Oxford: Oxford University Press, 1981. 444 p.
15. Forrest W.G. *A history of Sparta 950–192 B.C.* L.: Hutchinson University Press, 1980. 160 p.
16. Сизов С.К. *Федерализм и военная организация в эллинистической Греции (III–II вв. до н. э.) // Между войной и миром: история и теория*. Н. Новгород: НКИ, 1998. С. 5–21.
17. Pédech P. *La méthode historique de Polybe*. Paris: Société d'édition «Les Belles Lettres», 1964. 644 p.
18. Walbank, F. W. *Polybius, Rome and the Hellenistic World. Essays and Reflections*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 353 p.
19. Graninger D. *Macedonia and Thessaly // A companion to ancient Macedonia*. Ed. by J. Roisman and I. Worthington. Blackwell Publishing, 2010. P. 306–326.
20. Перова В.И. *Спарта во второй половине III в. до н.э.: полис или монархия? // Политическая история и историография (от античности до современности)*. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского унив., 1996. С. 31–36.
21. Birgalias N. *Nabis: un prince hellénistique? // Gerion Anejos. Vol. IX*. 2005. P. 139–151.
22. Roussel P. *Sparte*. P.: E. de Boccard, 1939. 160 p.
23. Jones A. H. M. *Sparta*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 190 p.
24. Перова В.И. *Социально-политическая борьба в Греции в период экспансии Рима (210–146 гг. до н.э.)*. Автореф. дисс. ... к.и.н. Л., 1983. 21 с.
25. Chrimes K.M. *Ancient Sparta. A reexamination of the evidence*. Manchester: Manchester University Press, 1949. xv, 527 p.

THE MURDER OF THE SPARTAN KING NABIS

N.Yu. Sivkina

This article analyzes the last years of Nabis's life, whose assassination coincided with the end of the independent existence of the Spartan polis. Based on the study of literary evidences about the international situation in the region, as well as the tyrant's internal and external policies, the author comes to the conclusion that in spite of the fact that it was the Achaeans who benefited from the removal of Nabis, the murder of the king should not be regarded as removal of a leader who was dangerous for Rome, nor as elimination of a source of permanent anxiety in the Peloponnese, but as a consequence of his reform activity.

Keywords: Nabis, Philopoemen, Flamininus, Hellenistic Sparta, Achaean league, Aetolians.